

Ю. Шамильоглу

История и культура Улуса Джучи / Ин-т истории АН РТ, 2006.
Бертольд Шпулер "Золотая Орда": традиции изучения и современность / Отв. редакторы И.А. Гилязов, И. Л. Измайлов. - Казань: Изд-во "Фэн" АН РТ, 2007 - 342 с.

Шамильоглу Ю. Конец языка волжских булгар. С. 169-175. https://vk.com/topic-7234410_22659255

История волжскобулгарского языка является только одним из направлений алтаистических исследований, значительный вклад в которые внес Андраш Рона-Таш, Б. данной очерке, издаваемом в честь профессора Рона таща, я хотел бы предложить некоторые свои соображения в истории волжскобулгарского языка, а именно о его конце, как письменного языка.

Письменный язык волжских булгар известен исключительно на основе многочисленных надгробных надписей, выполненных на арабской графике и обнаруженных на месте слияния Волги и Камы. Хотя арабографические надписи, отчеканенные на монетах в Поволжском регионе, датируются не позднее X в. н.э., самые ранние надгробные надписи на волжскобулгарском языке датируются только с XIII в. В самом городе Булгаре наиболее ранний надгробный камень датируется с 1271 г., тогда как последние – с 1356 года. Однако волжскобулгарский язык не был единственным, на котором были написаны подобные надписи в поволжском регионе с середины XIII до середины XIV в.: добавление к волжскобулгарскому (языку, ближайшим современным родственником которого является чувашский), имеются также надписи на стандартном тюркском диалекте, который можно считать предком современного татарского языка (см. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М., С. 5-15.)

За период последних двух лет, по которым имеются надписи на волжскобулгарском языке – 1357 г. и 1358 г. – наблюдается необычно большое количество воздвигнутых надгробий, с надписями как на волжскобулгарском, так и на диалектах стандартного тюркского языка. Количество в 6 надгробий только в 1357 г. – выше, чем в какой-либо один предыдущий год с дополнительными двумя надгробиями, датированными 1358 г. После этой даты не имеется ни более поздних надгробных надписей, ни других датированных письменных памятников на волжскобулгарском языке. Немногие тюркские надгробные камни, обнаруженные в районе Среднего Поволжья после 1357-1358 гг., написаны на стандартном тюркском языке. Хотя я и не так подробно изучил последующую историю надгробных надписей в этом регионе, очевидно, что налицо общий упадок в разнообразии и количестве надгробных камней в этом регионе через несколько следующих поколений.

Одна предложенная интерпретация заключается в том, что внезапный конец волжскобулгарского языка должен быть связан с «трудным временем» в Золотой Орде, когда появилась внезапная и необъяснимая дезинтеграция местной политической власти, последовавшая после смерти Бердибека. Хотя неожиданный конец волжскобулгарского языка и совпадает хронологически с «трудным временем», однако маловероятно, что между ними есть реальная взаимосвязь. Я напротив полагаю, что есть другое значительное историческое событие – главное поворотное событие XIV века – которое сыграло ведущую роль в XIV в., в процессе исчезновения волжскобулгарского языка, как письменного. Это главное событие – печально известная «Черная смерть». Хотя последствия этой наиболее известной вспышки бубонной чумы хорошо задокументированы для Западной и Восточной Европы, Руси и Ближнего Востока, ее последствия для территории Золотой Орды и какой-либо еще

области в Центральной и Внутренней Азии до последнего времени еще не рассмотрены.

Вспышка бубонной чумы, которая позднее стала известна как Черная смерть, впервые описана в Китае в 1331 г., после чего она распространилась до Внутренней и Центральной Азии. Хотя много есть, что нужно сделать по исследованию прохождения Черной смерти через этот регион, имеется достаточно источников, зафиксировавших ее ход в более широких границах через территории Золотой Орды. Согласно хорошо известным описаниям, бубонная чума появилась среди монгольской армии во время осады ею Кафы в 1345-1346 гг.; именно отсюда чума достигла Египта и Италии в 1347 г. Хотя и другие городские центры Золотой орды также пострадали, у нас нет подробных сведений, подобных тем, которым даются в русских источниках для своих территорий к западу Золотой Орды. Источники по этим территориям обнаруживают, что волны чумы пронесли по большей части России в 1349, 1352-1353, 1360 и 1364-1366 гг. и повторялись множеством дополнительных волн через несколько десятилетий и столетий. На основании русских источников известно также, что некоторые из этих волн чумы могли возникать в южных территориях Золотой орды. Они отмечают, например, что волна 1364 г. поразила Золотую Орду вместе с Сараем в виде очага, хотя о волне 1374 г. сказано, что она нанесла удар не только по «всей земле русской», но также по Золотой Орде. О последней волне XIV века сказано, что она поразила Золотую Орду в 1396 г.

Чтобы полнее оценить то, что именно удар возвратных волн бубонной чумы и связанные с ней явления должны были значить для территории Золотой Орды, можно рассмотреть общие результаты, известные по исследованиям по Европе и Среднему Востоку. Кроме массивного разрыва политической, социальной и экономической жизни в результате катастрофического и широко распространившегося обезлюдения имелись другие, более неуловимые последствия, также связанные с этим объектом. Нужно сказать, что одним из подобных последствий в Западной Европе был упадок латинского языка, как литературного. Это обстоятельство было прямым результатом дробления образованного класса, который в средневековый период обычно ассоциировался с городским религиозным классом. Другим значительным последствием Черной смерти в Западной Европе была технологическая регрессия. Так же, как чтение и письмо в качестве приобретенных навыков были поражены быстрым и широко масштабным упадком в образованном классе, подобным же образом ремесленные навыки пострадали в результате параллельного упадка в ремесленном классе.

Имея результаты исследований о последствиях Черной смерти в Западной Европе и еще где-либо в другом месте, о которых я только кратко упомянул, резонно предположить, что волжскобулгарский язык можно рассматривать как еще один пример письменного языка, пришедшего к упадку в результате внезапного упадка в образованном классе. Кроме того, именно в рамках десятилетия самого раннего засвидетельствованного появления Черной смерти на территории Золотой Орды обозначаются внезапный конец в практике написания надгробных надписей на волжскобулгарском языке. Соответственно, очевидный упадок в высечении надписей как на волжскобулгарском, так и на стандартном тюркском языках должен рассматриваться как еще один пример технологической регрессии, произошедшей после широкомасштабного упадка в ремесленном классе.

Такое косвенное свидетельство, вкупе с физической очевидностью необычно высокого числа возведенных в 1357 году надгробий, может остаться единственным стержнем факта, призванного для доказательства того, что примерно в это время через территорию Волжской Булгарии прошла катастрофическая волна эпидемии.

Описываемое мною явление, касающееся волжскобулгарских надписей, имеет современную ему параллель на другом конце Евразии, а именно в судьбе сирийских и турецких надгробных надписей, исполненных в сирийской графике и обслуженных возле Иссук-Куля. Хорошо известно, что эти надписи, принадлежавшие несторианско-

христианским погребениям, являются важным источником по вспышке бубонной чумы в этом обществе в 1338-1339 гг.

Действительно, имеется необычно большое количество надгробных камней времени этих двух лет, исчисляемых десятками, на некоторых из которых на сирийском языке написано, что покойный умер от чумы. Обычно не принимают в расчет то, что еще одна волна, вероятно, обрушилась в 1341 г., т.к. опять необычайно большое количество надгробий возведено в этом году, хотя на этот раз без специального упоминания чумы. Я мог бы доказать, что не является простым совпадением то, что несторианские надгробия на сирийской графике прекратили существование вскоре после этого времени. Например, Хвольсон описывает корпус надписей, датированных 1226-1373 гг., из которых по крайней мере 37 надписей были сделаны в период 1338-1339 гг., тогда как за период 1342-1373 гг. была только одна, написанная в 1374 г., после которой следующая и последняя дата отмечается только 26 лет спустя. Несомненно, что судьба несторианских надписей на сирийской графике близ Иссык-Куля может рассматриваться как прямая параллель и доказательство интерпретации, предложенной по поводу судьбы волжскобулгарских надписей в Поволжском регионе.

Чтобы сделать хотя бы еще один шаг вперед, есть веский резон считать, что это же самое явление сыграло свою роль в развитии многих средневековых тюркских языков. Очевидно, что большинство классических исламских литературных трудов на средневековом тюрки группируются в периоде первых шести десятилетий XIV века. Я мог бы аргументировать то, что работы XIV века представляют собой стиль и орфографию, архаичные для XIV века. Вслед за неожиданным и масштабным упадком в образованном классе, хорошо знакомым с этими архаическими традициями, возникли новые литературные традиции, более близкие к местным диалектам того времени. На этом основании мы могли бы, вероятно, разделить развитие тюркского языка, обычно рассматриваемого в рамках периода с 1200-1600 гг., на два отдельных периода: раннесредневековый тюрки (1200-1400) и позднесредневековый тюрки (1400-1600).

Если вновь вернуться к случаю с волжскобулгарским языком, то остается один последний вопрос: почему волжскобулгарский язык перестал быть письменным языком после 1358 г., тогда как стандартный тюркский язык продолжал быть письменным после этой даты на том же более или менее самом месте? Ответ на этот вопрос очень сложен, и на него уже предложено несколько привлекательных наблюдений и теорий. Несомненно, что этот стандартный тюркский язык сохранился в надписях Поволжского региона, потому что к этому времени он должен был представлять местное наречие общества, продолжавшего традицию грамотности в Поволжье. Кроме того, могло быть и так, что волжскобулгарский язык после 1358 г. не сохранился именно потому, что он уже не был разговорным, как родной язык – по крайней мере, не у той лингвистической общности, которая возводила бы надгробия – в 1358 г. если в этом главная причина, то она могла бы являться дополнительным свидетельством в поддержку аргумента Хакимзянова, рассматривающего использование волжскобулгарского языка в тот период времени, как «священного языка» религиозных и ритуальных обычаев, сравнимого в некоторых случаях с ролью, которую играли латинский и арабский языки. Если исключительно религиозный класс сохранял литературный язык, тогда в Волжской Булгарии, как и в других местах Европы, Азии и Среднего Востока, язык этого городского класса пострадал так же сильно от разрушительных воздействий Черной смерти, как и сам городской класс.